

Жорж
Сименон

МЕГРЭ
У МИНИСТРА

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон
Мегрэ у министра

«Азбука-Аттикус»

1954

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ у министра / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1954 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15426-1

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ у министра». Комиссар Мегрэ носит давно вышедшие из моды котелок и пальто, не расстается с трубкой, предпочитает дождливую погоду, обожает греться у огня и ходить, заложив руки за спину. Мрачный, немногословный, он обладает редким даром внушать доверие, ему известны тайные пружины человеческой драмы. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15426-1

© Сименон Ж., 1954
© Азбука-Аттикус, 1954

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Жорж Сименон

Мегрэ у министра

Georges Simenon
MAIGRET CHEZ LE MINISTRE
Copyright © 1953, Georges Simenon Limited

GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского О. Егоровой

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®
© О. Егорова, перевод, 2017

* * *

Глава 1

Отчет покойного Калама

Как всегда, возвращаясь вечером домой привычной дорогой, по той же стороне тротуара, мимо того же газового фонаря, Мегрэ поднял глаза на освещенные окна своей квартиры. Это у него получалось уже безотчетно. Если бы его кто-нибудь сейчас спросил, есть в окнах свет или нет, он бы затруднился ответить. Точно так же между третьим и четвертым этажом он машинально начинал расстегивать пальто, чтобы достать из кармана брюк ключ, хотя дверь непременно открывалась, стоило ему ступить ногой на коврик.

Эти ритуалы складывались годами, и он свято их придерживался, хотя ни за что бы себе в этом не признался. Сегодня не было дождя, но его жена, потянувшись поцеловать его в щеку, привычным движением протянула руку, чтобы взять у него мокрый зонтик.

Он произнес свое неизменное:

– Кто-нибудь звонил?

А она ответила, закрывая дверь:

– Звонил. Боюсь, что снять пальто тебе так и не придется.

День был серенький, ни жаркий, ни холодный, а часа в два налетел дождь со снегом. На набережной Орфевр Мегрэ едва успел разгрести текущие дела.

– Ты обедал как следует?

Свет у них в доме был гораздо теплее и уютнее, чем у него в рабочем кабинете. На столике возле его кресла располагались заботливо разложенные газеты, рядом стояли домашние туфли.

– Я пообедал с шефом, Люка и Жанвье в пивной «Дофин».

А потом все четверо отправились на собрание Общества взаимного страхования полиции. Последние три года Мегрэ уже в который раз выбирали его вице-президентом, а он уже в который раз пытался отбояриться.

– У тебя еще есть время выпить чашечку кофе. Ладно, сними пальто. Я сказала, что раньше одиннадцати ты не вернешься.

Была половина одиннадцатого. Собрание не затянулось надолго. У них было время пропустить по полстаканчика в пивной, и Мегрэ вернулся домой на метро.

– Кто звонил?

– Министр.

Стоя посреди гостиной, он поглядел на нее, нахмутив брови.

– Какой министр?

– Министр гражданского строительства. Некто Пуан, если я правильно расслышала.

– Огюст Пуан, да. Он звонил сюда? Сам звонил?

– Да.

– А ты не попросила его позвонить на набережную Орфевр?

– Он хотел поговорить лично с тобой. И немедленно хотел тебя видеть. Когда я ему сказала, что тебя нет дома, он поинтересовался, не с прислугой ли он разговаривает. Тон у него был раздосадованный. Я ему объяснила, что я мадам Мегрэ. Он извинился и спросил, где ты и когда вернешься. Мне показалось, что он человек робкий.

– Репутация у него совсем другая.

– Он тут же спросил, одна я дома или нет, и объяснил, что этот звонок должен остаться в тайне, что он звонит мне не из министерства, а из автомата и что ему срочно надо с тобой связаться.

Эту речь Мегрэ выслушал, насупившись, всем своим видом давая понять, что не доверяет политикам. За годы его службы много раз случалось, что какой-нибудь чиновник, депутат,

сенатор или еще кто-то из людей публичных обращались к нему за помощью, но всегда делали это официально. Его всякий раз вызывали к шефу, и всякий раз разговор начинался так:

– Прошу прощения, милейший Мегрэ, но я хочу поручить вам дело, которое вряд ли вас обрадует.

Как правило, такие дела оказывались весьма неприятными.

Мегрэ не был лично знаком с Огюстом Пуаном и даже никогда его не видел. Министр был не из тех людей, что мелькают на страницах газет.

– Почему он не позвонил в контору?

Он сказал это самому себе, но мадам Мегрэ тотчас отозвалась:

– Откуда же мне знать? Я повторила тебе все, что он сказал. И самое главное, он звонил из автомата...

Этот факт очень впечатлил мадам Мегрэ. Для нее министр Республики был человеком уважаемым, и ему не пристало тайком по вечерам звонить из автомата на углу какого-нибудь бульвара.

– ...и просил, чтобы ты приехал не в министерство, а к нему на квартиру по адресу... – Она заглянула в бумажку, на которой написала несколько слов. – ...Бульвар Пастера, двадцать семь. Консьержку беспокоить не стоит, квартира на пятом этаже, налево.

– И он меня там ждет?

– Он будет ждать столько, сколько понадобится. Ради приличия ему надо вернуться в министерство до полуночи. – Она прибавила совсем другим голосом: – Слушай, а это не розыгрыш?

Он покачал головой. Это, конечно, необычно, экстравагантно, но на розыгрыш не похоже.

– Кофе будешь?

– Нет, спасибо, после пива не хочется.

Так и не присев, он плеснул себе капельку терновой настойки, взял с камина свежую трубку¹ и направился к выходу.

– До скорого.

Когда он снова вышел на бульвар Ришар-Ленуар, морось, весь день висевшая в воздухе, сгустилась до сероватого тумана, и вокруг фонарей появилось сияние. Такси он брать не стал: до бульвара Пастера гораздо быстрее можно было доехать на метро. Может, такое решение во многом зависело оттого, что он не был «при исполнении».

Всю дорогу, машинально разглядывая какого-то усача, сидевшего с книгой напротив, он размышлял, с чего бы вдруг он понадобился Огюсту Пуану, а самое главное – к чему такая спешка и такая таинственность?

О Пуане он знал только, что он вандейский адвокат из Ла-Рош-сюр-Йона и политикой занялся довольно поздно.

Он был из числа тех депутатов, которых после войны выбирали, учитывая твердость их характера и поведение во время оккупации.

Что такого примечательного он сделал, Мегрэ не знал. Однако если его коллеги исчезали из палаты депутатов, не оставив никаких следов, то Пуана раз за разом избирали вновь, и три месяца назад при формировании последнего Кабинета министров он получил портфель министра гражданского строительства.

Комиссар не слышал о нем никаких сплетен, как водится, роившихся вокруг политиков. Его жена тоже не давала повода для пересудов, а дети тем более, если у него вообще были дети.

Когда Мегрэ вышел из метро на станции «Пастер», туман сгустился и приобрел желтоватый оттенок. Теперь его привкус чувствовался на губах. На бульваре не было ни души. Шаги

---

¹ Истинные любители трубок имеют их всегда несколько. Трубки хранятся дома, и при желании трубку можно поменять. Иногда менять просто приходится, ибо не всегда есть время вычистить трубку и набить новым табаком.

прохожих слышались издалека, со стороны Монпарнаса, и оттуда же донесся свисток отходящего с вокзала поезда.

Несколько окон еще светились в тумане, создавая впечатление покоя и защищенности. В этих домах, ни бедных, ни богатых, ни старых, ни новых, в похожих друг на друга квартирах обитали представители среднего класса: учителя, чиновники, служащие. Каждое утро в одно и то же время они разъезжались отсюда на работу на метро или на автобусах.

Мегрэ нажал на кнопку, невнятно пробурчал свое имя и пошел прямо к лифту.

Тесная кабина, вряд ли вмещавшая больше двух человек, медленно, но без толчков и скрипа поползла вверх. На слабо освещенную площадку выходило несколько дверей одинакового темно-коричневого цвета с одинаковыми ковриками.

Комиссар позвонил в ту, что была слева, и она сразу открылась, словно за ней кто-то уже стоял, держа руку на замке.

Пуан вышел на площадку и отослал лифт на первый этаж, чего Мегрэ сделать не догадался.

– Прощу прощения, что потревожил вас так поздно, – буркнул он. – Входите, пожалуйста.

Мадам Мегрэ была бы разочарована, поскольку Пуан, судя по всему, мало соответствовал ее представлениям о том, каков должен быть министр. И ростом, и статью он приближался к Мегрэ, но был более приземист, крепче сбит и еще более походил на крестьянина. Его крупно вылепленное лицо с толстым носом и губами вызывало в памяти скульптурные головы, вырезанные из конского каштана.

На нем был скромный сероватый костюм и дешевый галстук из магазина готового платья, и на этом неброском фоне ярко выделялись две детали: густые и широкие брови и запястья, заросшие такими же длинными и густыми волосами.

Министр тоже разглядывал Мегрэ, даже не пытаясь скрыть свое любопытство или хотя бы из вежливости улыбнуться.

– Садитесь, комиссар.

Квартира, не такая просторная, как квартира Мегрэ на бульваре Ришар-Ленуар, состояла из двух, от силы трех комнат и крошечной кухни. Из прихожей, где висели несколько пальто, они прошли в кабинет, наводивший на мысль, что здесь обитает холостяк. На полочке, прибитой к стене, были разложены штук двенадцать трубок, по большей части глиняных, но виднелась среди них одна очень красивая – пенковая. Старомодный письменный стол со множеством ящичков и ящичков, точно такой же, как когда-то у отца Мегрэ, был завален бумагами и усыпан пеплом. На стене висели черно-белые фотографии отца и матери Пуана, вставленные в одинаковые черные с золотом рамки, должно быть привезенные с вандейской фермы. Комиссар не осмелился с порога их разглядывать.

Усевшись в вертящееся кресло, тоже очень похожее на кресло папаши Мегрэ, Пуан небрежно тронул рукой ящичек с сигарами.

– Я полагаю... – начал он.

Комиссар улыбнулся и пробормотал:

– Я предпочитаю трубку.

– Вам обычного?

Министр протянул ему початый пакет табака и сам тоже раскурил трубку, которую, видно, совсем недавно загасил.

– Вы, должно быть, удивились, когда ваша жена вам сказала...

Он прикидывал, как бы начать разговор, и был явно недоволен первой фразой. Любопытная возникла ситуация: в теплом, спокойном кабинете двое мужчин примерно одного возраста и комплекции бесцеремонно, не таясь, разглядывали друг друга. Можно было подумать, что они прекрасно видят свое сходство, заинтригованы, озадачены и вот-вот признают себя чуть ли не братьями.

– Слушайте, Мегрэ. Думаю, нам лишние реверансы ни к чему. Я о вас знаю только из газет и по отзывам, которые слышал.

– И я о вас тоже, господин министр.

Пуан досадливо махнул рукой, словно давая понять, что здесь между ними титулы неуместны.

– Я попал в передрагу. Об этом пока никто не знает и не подозревает, ни премьер-министр, ни даже моя жена, которая, как правило, в курсе всех моих дел. С этим я обратился к вам.

Он на миг отвел глаза и затянулся трубкой, словно смутившись, что его последнюю фразу могут истолковать как лесть или корыстный расчет.

– Мне не хотелось идти обычным путем и обращаться к начальнику сыскной полиции. Я поступил вопреки правилам. Вы не обязаны были приезжать, точно так же как не обязаны мне помогать. – Министр со вздохом поднялся. – Выпьете рюмочку? – И прибавил с гримасой, которая могла бы сойти за улыбку: – Не пугайтесь. Я не стремлюсь вас подкупить. Просто мне нынче вечером и вправду очень хочется немного выпить.

Он вышел в соседнюю комнату и вернулся с початой бутылкой и двумя стопками вроде тех, что подают в деревенских харчевнях.

– Это самогон, мой отец гонит его каждую осень. Бутылке лет двадцать.

Взяв стопки, они посмотрели друг на друга.

– Ваше здоровье.

– Ваше здоровье, господин министр.

На этот раз Пуан сделал вид, что не услышал последних слов.

– Я не знаю, как начать, и не потому, что смущаюсь, а потому, что эту историю трудно изложить ясно и понятно. Вы читаете газеты?

– По вечерам, если преступники мне позволяют.

– А за новостями политики следите?

– Очень мало.

– Вам известно, что я не отношусь к тем, кого именуют политиканами?

Мегрэ кивнул.

– Вот! Вы наверняка в курсе, какая катастрофа произошла в Клерфоне?

На этот раз Мегрэ не удержался и вздрогнул, и, видимо, на его лице отразились тревога и недоверие, потому что Пуан опустил голову и тихо добавил:

– К несчастью, речь пойдет именно о ней.

Еще в метро Мегрэ ломал голову, что за дело министр держит в такой тайне. Но о происшествии в Клерфоне он даже не подумал, потому что газеты трубили об этом вот уже целый месяц.

Детский туберкулезный санаторий в Клерфоне, в Верхней Савоие, между Южином и Межевом, расположенный на высоте около полутора тысяч метров, был самым эффектным из послевоенных проектов. Кому пришла в голову мысль соорудить для несчастных детей здание, сравнимое разве что с современными частными санаториями, Мегрэ не знал, да и с тех пор прошло уже много лет. В свое время о проекте много говорили. Некоторые видели в нем чисто политическое предприятие, в Кабинете министров шли ожесточенные дебаты, и для изучения вопроса создали даже специальную комиссию. Дело кончилось тем, что проект, который долго принимали в штыки, все-таки реализовали.

А месяц тому назад произошла катастрофа, одна из самых печальных в истории. Снега в горах начали таять так рано, что местные жители не могли и припомнить такого. Горные реки вышли из берегов, и подземная речка Лиз, настолько маленькая, что ее даже не обозначали на картах, подмыла целое крыло здания санатория в Клерфоне.

Следствие, начатое на следующий день после несчастья, до сих пор не закончено. Эксперты не могут прийти к согласию. А уж газеты и подавно: они отстаивают разные тезисы, в зависимости от своего цвета.

При обрушении одного из зданий погибли сто двадцать восемь детей, остальных срочно эвакуировали.

После недолгого молчания Мегрэ тихо сказал:

– Во время строительства санатория вы еще не состояли в Кабинете министров, верно?

– Нет, не состоял. Я даже не входил в парламентскую комиссию, которая голосовала за получение кредита. Сказать по правде, я до сегодняшнего дня знал о происшествии ровно столько, сколько знали все: из ежедневной прессы.

Он помолчал.

– Вы что-нибудь слышали об отчете Калама, комиссар?

Мегрэ удивленно на него взглянул и отрицательно помотал головой.

– Еще услышите. Несомненно, о нем будут много говорить, даже слишком много. Я полагаю, вы не читаете мелких еженедельных журналов, «Молву» например?

– Никогда.

– А с Эктором Табаром вы знакомы?

– Наслышан. И о нем, и о его репутации. Должно быть, мои коллеги с улицы Соссэ знают его лучше, чем я.

Он намекал на Сюртэ, Управление национальной безопасности, которое было в прямом подчинении у Министерства внутренних дел и часто забирало себе дела, более или менее касавшиеся политики.

Табар был журналистом с сомнительной репутацией, а его охочий до сплетен еженедельник слыл инструментом шантажа.

– Прочтите вот это. Эту короткую и загадочную реплику напечатали через шесть дней после катастрофы.

ОТВАЖИТСЯ ЛИ КТО-НИБУДЬ ПОД НАЖИМОМ ОБЩЕСТВЕННОГО

МНЕНИЯ ОПУБЛИКОВАТЬ ОТЧЕТ КАЛАМА?

– И это все? – удивился комиссар.

– А вот выдержка из следующего номера.

Вопреки сложившемуся мнению, нынешнее правительство падет до начала весны, и падет не из-за внешней политики или событий в Северной Африке, а из-за отчета Калама.

Словосочетание *отчет Калама* звучало почти комично, и Мегрэ улыбнулся:

– А кто такой Калам?

Но Пуан не улыбался.

– Профессор Национальной школы мостов и дорог². Он умер два года назад, если не ошибаюсь, от рака. Его имя широкой публике неизвестно, но он весьма знаменит в мире прикладной механики и гражданской архитектуры. Калама приглашали консультантом в крупные проекты в Японию и страны Южной Америки, он был непререкаемым авторитетом в вопросах

---

² *Национальная школа мостов и дорог* – старейшее в мире высшее учебное заведение по подготовке специалистов инженерных специальностей. Считается одним из самых престижных.

сопротивления материалов, в особенности бетона. Он написал труд, которого ни вы, ни я не читали, но который есть у каждого архитектора: «Болезни бетона».

– Калам занимался строительством в Клерфоне?

– Не впрямую. Давайте я изложу вам всю историю по-другому, согласно собственной хронологии. Я уже говорил, что о катастрофе и о самой санатории узнал, как все, из газет и даже не помнил, одобрял я или нет тот проект пятилетней давности. Пришлось порыться в «Правительственном вестнике», чтобы вспомнить, что голосовал «за». Я тоже не читаю «Молву». Однако после появления второй заметки премьер-министр отвел меня в сторонку и спросил: «Вы что-нибудь знаете об отчете Калама?» Я искренне сознался, что ничего не слышал. Он удивился и, как мне показалось, покосился на меня с недоверием: «Отчет должен был сохраниться в ваших архивах».

И он посвятил меня в суть дела. Дебаты по поводу строительства в Клерфоне шли в течение пяти лет, мнения разделились, и тогда кто-то из депутатов, не помню кто, предложил запросить отчет у технического специалиста с непререкаемым авторитетом. Он назвал имя Жюльена Калама из Национальной школы мостов и дорог. Тот запросил определенное время на изучение вопроса и даже выехал на место в Верхнюю Савойю. Составленный им отчет должен был поступить в комиссию.

Мегрэ, кажется, начал что-то понимать.

– И отчет был неблагоприятным?

– Подождите. Когда премьер-министр говорил со мной об этом деле, он уже отдал приказ разыскать отчет в архивах Кабинета министров. Он должен был находиться среди документов комиссии. Но дело в том, что не нашли не только этот отчет, но бесследно исчезла и часть других отчетов. Понимаете, что это значит?

– Что кто-то заинтересован в том, чтобы эти сведения никогда не были опубликованы?

– Читайте вот это.

Он показал еще одну выдержку из «Молвы», тоже короткую, но не менее угрожающую.

ДОСТАТОЧНО ЛИ ВЛИЯТЕЛЕН АРТЮР НИКУ,

ЧТОБЫ ПОМЕШАТЬ ПУБЛИКАЦИИ ОТЧЕТА КАЛАМА?

Мегрэ это имя было известно, как и многие другие имена. Фирма «Нику и Совгрэн» упоминалась везде, где речь шла о строительстве дорог, мостов или шлюзов.

– Строительством в Клерфоне занималась фирма «Нику и Совгрэн».

Мегрэ уже начал жалеть, что приехал. Он чувствовал симпатию к Огюсту Пуану, но история, которую тот рассказывал, вызвала у него ту же неловкость, что вызвала бы скабрзная шутка, произнесенная в присутствии дамы.

Он пытался понять, какую же роль мог сыграть Пуан в трагедии, унесшей жизни ста двадцати восьми детей. Еще немного, и он спросил бы напрямик: «А вы-то тут при чем?»

Он догадывался, что в деле оказались замешаны политики, и, возможно, высокого ранга.

– Я постараюсь закончить как можно скорее. Премьер-министр поручил мне тщательно изучить все архивы моего министерства. Национальная школа мостов и дорог находится в прямом подчинении у Министерства гражданского строительства. Логично было бы заключить, что в наших архивах сохранилась хотя бы одна копия отчета Калама.

Снова прозвучали теперь уже знаменитые слова: *Отчет Калама*.

– И вы ничего не нашли?

– Ничего. Мы безрезультатно перерыли даже чердак, все эти тонны запыленных бумаг.

Мегрэ заерзал, ему стало неуютно в кресле, и собеседник это уловил.

– Вы не любите политику?

– Признаться, не люблю.

– Я тоже. Каким бы странным это ни показалось, но я двенадцать лет тому назад согласился выставить свою кандидатуру на выборах именно для того, чтобы бороться с политикой. А когда меня три месяца назад попросили войти в состав Кабинета министров, я дал себя убедить исключительно потому, что хотелось внести некоторую долю чистоплотности в политические дела. Мы с женой люди простые. Сами видите, какую квартиру мы занимаем в Париже во время сессий Кабинета министров с тех пор, как меня назначили. Холостяцкая нора, временное пристанище. Жена могла бы оставаться в Ла-Рош-сюр-Йоне, где у нас свой дом, но мы не привыкли разлучаться.

Он говорил естественно, без малейшей сентиментальной нотки в голосе.

– С тех пор как я стал министром, мы официально живем в министерстве, на бульваре Сен-Жермен, но при малейшей возможности сбегает сюда, особенно по воскресеньям. Но это не важно. Если я позвонил вам из телефонной будки, как, должно быть, сообщила вам жена – а мне кажется, что наши жены похожи, – так вот, если я позвонил вам из телефонной будки, то только потому, что опасаюсь прослушки. Я убежден – не знаю, справедливо или нет, – что мои разговоры в министерстве, а может, и на этой квартире, записываются, предпочитаю не знать, где именно. Гордиться тут нечем, но должен добавить, что, прежде чем приехать сюда, я вошел в одну дверь кинотеатра на бульваре, а вышел из другой и дважды сменил такси. И все равно я не уверен, что за домом не следят.

– Я, когда входил, никого не заметил.

Теперь Мегрэ стало его жалко. Пуан старался говорить отстраненным тоном. Но стоило ему подойти к главному вопросу их встречи, он вдруг засуетился, начал ходить вокруг да около, словно боялся, что комиссар мог составить о нем превратное мнение.

– Все архивы министерства перерыли по листочкам, и одному богу известно, куда могли деться эти бумажки, о существовании которых никто не знал. В последнее время мне по меньшей мере дважды в день звонил премьер-министр, и теперь я не знаю, доверяет ли он мне вообще. Поиски предприняли и в Школе мостов и дорог, но до вчерашнего утра безрезультатно.

Мегрэ не удержался и спросил, как спрашивают о развязке романа:

– И вчера утром нашли отчет Калама?

– Ну, по крайней мере кажется, что это он.

– Где?

– На чердаке в Школе.

– Нашел кто-то из преподавателей?

– Смотритель. Вчера вечером мне передали визитную карточку некоего Пикмаля, о котором я ни разу не слышал. На ней карандашом было написано: «По поводу отчета Калама». Я тотчас же велел его впустить. Но перед тем первым делом отослал секретаршу, мадемуазель Бланш, которая служит у меня уже двадцать лет. Она тоже родом из Ла-Рош-сюр-Йона и работала у меня, еще когда я был адвокатом. Потом увидите, это имеет значение. Моего начальника канцелярии тоже в тот день не было на месте, и я остался один на один с человеком средних лет, который молча стоял передо мной и сверлил меня застывшим взглядом. В руках он держал запечатанный пакет из серой бумаги.

«Господин Пикмаль?» – спросил я в тревоге, ибо решил, что имею дело с сумасшедшим.

Он кивнул.

«Садитесь, пожалуйста».

«Спасибо, я постою».

В глазах его не читалось никакой симпатии. Он спросил почти грубо:

«Вы министр?»

«Да».

«Я смотритель из Школы мостов и дорог. – Он шагнул вперед, протянул мне пакет и произнес тем же тоном: – Вскройте пакет и дайте мне расписку».

В пакете находился документ объемом около сорока страниц, напечатанный под копирку.

ОТЧЕТ

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДЕТСКОГО ТУБЕРКУЛЕЗНОГО САНАТОРИЯ

В МЕСТЕ ПОД НАЗВАНИЕМ КЛЕРФОН, ЧТО В ВЕРХНЕЙ САВОЙЕ.

На документе не было личной подписи, но на последней странице на машинке было напечатано имя автора и проставлена дата.

По-прежнему стоя столбом, Пикмаль заявил: «Мне нужна расписка».

Я написал ему расписку от руки. Он ее сложил, сунул в потрепанный портфель и пошел к двери. Я спросил у него:

«Где вы нашли эти бумаги?»

«На чердаке».

«Возможно, вас вызовут для дачи письменных показаний».

«Все знают, где меня найти».

«Вы никому не показывали документ?»

Он посмотрел мне в глаза с явным презрением:

«Никому».

«Имеются ли другие копии?»

«Не знаю».

«Благодарю вас».

Пуан смущенно взглянул на Мегрэ.

– И вот тут я допустил оплошность, – продолжил он. – Думаю, все дело во внешности этого Пикмаля. Я именно таким представлял себе анархиста, который собирается бросить бомбу.

– Сколько ему лет? – переспросил Мегрэ.

– Около сорока пяти. Одет так себе, ни бедно, ни богато. Глаза как у психа или фанатика.

– Вы навели о нем справки?

– Не сразу. Было уже пять часов. У меня в приемной дожидались еще человек пять посетителей, а вечером я должен был председательствовать на торжественном обеде у инженеров. Увидев, что мой визитер ушел, вернулась секретарша, и я сунул пакет к себе в портфель. Конечно, надо было позвонить премьер-министру. Клянусь вам, я не сделал этого только потому, что все еще не был уверен, не сумасшедший ли этот Пикмаль. И не имел никаких доказательств, что документ не фальшивка. Нам почти каждый день приходится иметь дело с неадекватными людьми.

– Нам тоже.

– Тогда вы меня понимаете. Прием у меня заканчивается в семь. Времени оставалось только на то, чтобы зайти домой и переодеться.

– А жене вы рассказали об отчете Калама?

– Нет. Портфель я взял с собой и предупредил ее, что после обеда у инженеров поеду на улицу Пастера. Это обычное дело. Мы не только приезжаем сюда вместе по воскресеньям,

чтобы побыть наедине и отведать приготовленного женой обеда. Я часто отправляюсь сюда, когда у меня есть важная работа и мне нужно спокойно подумать.

– А где был банкет?

– В ресторане «Дворец Орсэ».

– Портфель вы брали с собой?

– Я его запер на ключ и оставил под присмотром своего шофера. Этому человеку я доверяю безгранично.

– И с банкета вы поехали прямо сюда?

– Да, около половины одиннадцатого. Министрам необязательно оставаться после того, как отзвучат торжественные речи.

– Вы не снимали парадного костюма?

– Нет, я переоделся, чтобы поработать здесь, в кабинете.

– Отчет вы прочли?

– Да.

– Он был подлинным?

Министр кивнул.

– Если бы его опубликовали, он действительно стал бы бомбой?

– Вне всякого сомнения.

– Почему?

– Потому что Калам предупреждал о катастрофе, которая и произошла. Хоть меня и назначили министром гражданского строительства, я не смогу точно воспроизвести вам суть его рассуждений и прежде всего те технические детали, которые он приводил в поддержку своего заключения. Могу только сказать, что он занял твердую, аргументированную позицию против проекта, и всякий, кто прочел бы отчет, должен был бы проголосовать против строительства в Клерфоне в том виде, в каком оно предполагалось, или по меньшей мере потребовать дополнительного исследования. Понимаете?

– Начинаю понимать.

– Каким образом «Молва» пронюхала о документе, понятия не имею. Может, им удалось раздобыть копию? Не знаю. Насколько мне известно, я был единственным человеком, кто вчера вечером владел экземпляром отчета.

– Что же произошло?

– Около полуночи я хотел позвонить премьер-министру, но мне ответили, что он в Руане на каком-то политическом совещании. Я чуть не позвонил в Руан...

– И не позвонили?

– Нет. Именно потому, что подумал о прослушке. Мне казалось, что у меня в руках ящик с динамитом, который способен не только взорвать правительство, но и опозорить многих моих коллег. Невозможно допустить даже мысли, что те, кто прочел отчет, могли настаивать на...

Мегрэ догадался, как должна была кончиться фраза.

– Вы оставили отчет в этой квартире?

– Да.

– В письменном столе?

– Он запирается на ключ. Я рассудил, что отчет будет здесь сохраннее, чем в министерстве, где шатается много людей, которых я едва знаю.

– Ваш шофер оставался внизу, пока вы изучали документ?

– Я его отпустил, а сам взял такси на углу бульвара.

– Вы разговаривали с женой, когда вернулись?

– Разговаривал, но не об отчете Калама. До вчерашнего дня я ни с кем о нем словом не обмолвился. А вчера в час дня я встретился с премьер-министром в Национальном собрании. Я отвел его к окну и все ему рассказал.

– Он был взволнован?

– Думаю, да. Любой руководитель правительства на его месте разволновался бы. Он попросил меня съездить за отчетом и лично доставить к нему в кабинет.

– И отчета в столе не оказалось?

– Нет.

– Дверной замок был взломан?

– По-моему, нет.

– Вы встретились с премьер-министром?

– Нет. Мне стало по-настоящему плохо. Я попросил отвезти меня на бульвар Сен-Жермен и отменил все встречи. Жена позвонила премьер-министру и сказала, что я почувствовал себя плохо, что у меня был обморок и что я явлюсь к нему завтра утром.

– Ваша жена все знает?

– Я впервые в жизни ей солгал. Не помню точно, что я ей наговорил, но, должно быть, сильно путался и сам себе противоречил.

– Она в курсе, что вы здесь?

– Она считает, что я на собрании. Не знаю, понимаете ли вы, в какое положение я попал. Я вдруг оказался один, и мне кажется, что, как только я открою рот, все примутся меня обвинять. Никто не поверит в эту историю. У меня в руках был отчет Калама. Я единственный, кроме Пикмаля, кто им владел. *И за последние несколько лет меня раза три приглашал в свое имение в Самуа Артур Нику, подрядчик, который занимался строительством.*

Он вдруг как-то сразу сник, плечи ссутулились, подбородок утратил твердость. Весь его вид, казалось, говорил: «Делайте что хотите. А я уже ничего не знаю».

Не спрашивая разрешения, Мегрэ плеснул себе водки и, только поднеся стопку к губам, подумал, что надо бы налить и министру.

Глава 2

Звонок премьер-министра

Несомненно, за годы службы ему не раз приходилось испытывать это ощущение, но оно никогда не было таким сильным. Тепло и уют маленькой комнаты, запах деревенской водки, письменный стол, совсем как у отца, увеличенные фото «стариков» на стенах – все это только усиливало впечатление. Мегрэ чувствовал себя врачом, который приехал по срочному вызову, и теперь у него в руках судьба пациента.

И самое любопытное то, что человек, сидевший напротив него, словно в ожидании диагноза, был на него похож, как брат, ну по меньшей мере как родственник. И дело было не только во внешнем сходстве. Взгляд, мельком брошенный на фотографии, сказал комиссару, что они с Пуаном одной крови, от одного истока. Оба родились в деревне, в крестьянских семьях, где уже поменялся уклад жизни. Может быть, родители министра, как и родители Мегрэ, мечтали, чтобы их сын стал врачом или адвокатом.

Пуан превзошел их ожидания. Живы ли они еще, чтобы это оценить?

Задать этот вопрос он не решился. Перед ним сидел подавленный человек, и он знал, что не слабость довела его до такого состояния. Глядя на него, Мегрэ испытывал сложное чувство, вобравшее в себя и отвращение, и гнев, и уныние.

Однажды ему самому довелось оказаться в похожей ситуации, правда не столь драматичной, и это тоже было связано с политикой. Он ничего такого не сделал. Просто повел себя, как следовало себя вести честному человеку, точно выполнявшему свой служебный долг.

И все равно в глазах всех или почти всех он был виноват. Его вызвали в дисциплинарный совет и, поскольку все были против него, его вину признали.

Тогда ему пришлось временно уйти из сыскной полиции, и он около года проработал в подвижной полицейской бригаде в Люсоне, в Вандее, как раз в том департаменте, от которого был делегирован Пуан.

Сколько ни повторяли ему жена и друзья, что совесть его чиста, временами Мегрэ все же примерял на себя образ виноватого. Например, дорабатывая последние дни в сыскной полиции, пока его дело обсуждалось в верхах, он не позволял себе отдавать приказы подчиненным, даже Люка и Жанвье, а когда спускался по парадной лестнице, старался буквально вжаться в стену.

Пуан сейчас был не способен ясно осмыслить то, что с ним произошло. Он рассказал все, что мог, и в последние часы поступал как человек, который замкнулся, ушел в себя и больше не надеется ни на какую чудесную поддержку.

Что же странного в том, что он бросился за помощью к Мегрэ, с которым не был знаком и которого даже ни разу не видел?

Не отдавая себе в этом отчета, комиссар уже взял дело в свои руки и принялся задавать вопросы, похожие на те, что задает врач, чтобы уточнить диагноз.

– Вы убедились в том, что Пикмаль действительно тот, за кого себя выдает?

– Я велел секретарше позвонить в Школу мостов и дорог, и там подтвердили, что Жюль Пикмаль работает у них смотрителем уже пятнадцать лет.

– Вы не увидели ничего необычного в том, что он не отнес документ директору Школы, а отправился с ним прямо к вам в кабинет?

– Не знаю. Об этом я как-то не подумал.

– Вероятно, это может указывать на то, что он понимал значение документа?

– Да. Я думаю, да.

– Короче говоря, после того, как отчет Калама был найден, Пикмаль был единственным, кроме вас, кому представилась возможность его прочесть.

– Если не считать тех, у кого в руках он сейчас находится.

– Давайте пока об этом не думать. Если не ошибаюсь, то, кроме вас и Пикмаля, о том, что вы получили документ, знал еще один человек?

– Вы имеете в виду премьер-министра?

Пуан в смятении взглянул на комиссара. Нынешний глава правительства, Оскар Мальтер, которому сейчас было шестьдесят пять, с сорока лет избирался почти во все Кабинеты. Его отец был префектом, один из братьев депутатом, а другой управлял колониями.

– Надеюсь, вы не полагаете...

– Я ничего не полагаю, господин министр. Я пытаюсь понять. Вчера вечером отчет Калама находился в этом столе. Сегодня после обеда он оттуда исчез. Вы уверены, что дверь не взломана?

– Можете посмотреть сами. Ни на самой двери, ни на медном замке нет никаких следов. Может, воспользовались универсальной отмычкой?

– А замок письменного стола?

– Посмотрите, он совершенно цел. Он очень просто открывается: однажды, забыв ключ, я открыл его кусочком проволоки.

– Позвольте мне продолжить задавать вопросы, какие положено задавать полицейскому. Они необходимы, чтобы устранить все неясности. У кого, кроме вас, есть ключ от этой квартиры?

– У жены, само собой.

– Вы говорили, что она не в курсе истории с отчетом Калама.

– Я ей ничего не говорил. Она даже не знает, что я здесь был вчера и снова приехал сегодня.

– Она следит за политическими событиями?

– Она читает газеты, старается быть в курсе всего, что касается моей работы и о чем мы с ней можем поговорить. Когда мне предложили стать кандидатом в депутаты, она пыталась меня отговорить. Она не хотела, чтобы я стал министром, у нее нет никаких амбиций.

– Она уроженка Ла-Рош-сюр-Йона?

– Ее отец был там адвокатом.

– Вернемся к ключам. У кого еще они есть?

– У моей секретарши, мадемуазель Бланш.

– Бланш по фамилии?..

Мегрэ сделал пометку в своей черной записной книжечке.

– Бланш Ламотт. Ей должно быть... подождите... сорок один... нет, сорок два года.

– Вы давно ее знаете?

– Она поступила ко мне машинисткой, когда ей едва исполнилось семнадцать и она только что окончила школу Пижье. С тех пор так у меня и работает.

– Она тоже из Ла-Рош-сюр-Йона?

– Из окрестной деревни. Ее отец был мясником.

– Хорошенькая?

Пуан задумался, словно никогда не задавал себе этого вопроса.

– Нет. Хорошенькой ее не назовешь.

– Влюблена в вас?

Мегрэ улыбнулся, увидев, как покраснел Пуан.

– Как вы догадались? Ну, предположим, что влюблена, на свой лад. Думаю, у нее в жизни ни разу не было мужчины.

– И ревнует к вашей жене?

– Не в том смысле, что обычно вкладывают в это слово. Я подозреваю, что она ревнует ко всему, что считает своей территорией.

– Значит, можно сказать, что на работе вас опекает она.

Пуан, проживший долгую жизнь, очень удивился, когда Мегрэ открыл ему такие простые истины.

– То есть вы говорите, когда объявился Пикмаль, она находилась в вашем кабинете и вы ее отослали. Когда вы ее снова вызвали, отчет держали в руках?

– Наверное, держал... Но уверяю вас...

– Поймите, господин министр, я никого не обвиняю и никого не подозреваю. Как и вы, я стараюсь выяснить, что к чему. Есть ли еще у кого-нибудь ключи от этой квартиры?

– Есть, у моей дочери.

– Сколько ей лет?

– Анн-Мари? Двадцать четыре.

– Она замужем?

– Собирается, точнее, собиралась выйти замуж в следующем месяце. Но теперь, со всеми этими передрыгами, я уже ничего не знаю. Вам что-нибудь говорит фамилия Курмон?

– Приходилось слышать.

Если Мальтеры прославились в политике, то по меньшей мере три поколения Курмонов были не менее знамениты в дипломатии. Робер Курмон, владелец особняка на улице Фезандери, был, наверное, последним из французов, кто носил монокль. Более тридцати лет он служил послом то в Токио, то в Лондоне и был членом Института Франции, объединявшего пять Академий.

– Это их сын?

– Да, Ален Курмон. В свои тридцать два года он уже побывал атташе при трех или четырех посольствах, а теперь руководит одним из крупных отделов Министерства иностранных дел. Он получил назначение в Буэнос-Айрес и через три недели после свадьбы должен туда отправиться. Теперь вы понимаете, что ситуация гораздо более трагична, чем кажется на первый взгляд. Скандал, который ждет меня завтра или послезавтра...

– Ваша дочь часто сюда приходила?

– С тех пор, как мы официально поселились в особняке министерства, – ни разу.

– Значит, с тех пор ни разу?

– Я предпочел бы рассказать вам все, комиссар. Иначе не было смысла вас вызывать. Анн-Мари сдала экзамен на степень бакалавра, потом закончила философский факультет. Она вовсе не синий чулок, но и не такая, как современные девчонки. Однажды, около месяца назад, я обнаружил здесь пепел от сигареты. Мадемуазель Бланш не курит, моя жена тем более. Я спросил об этом Анн-Мари, и она призналась, что приходила в эту квартиру с Аленом. Я не стал выпрашивать. Помню только, как она сказала, не краснея и глядя мне прямо в глаза: «Надо реально смотреть на вещи, папа. Мне уже двадцать четыре, а Алену тридцать два». У вас есть дети, Мегрэ?

Комиссар отрицательно покачал головой.

– Я полагаю, сегодня пепла не было?

– Нет.

Старательно отвечая на вопросы, Пуан приободрился и уже не выглядел таким напуганным. Совсем как больной, который отвечает на вопросы врача, зная, что тот выпишет ему лекарство. Может, Мегрэ нарочно для этого и застрял на выяснении вопроса ключей?

– И больше ни у кого ключей не было?

– Были у заведующего канцелярией.

– Кто такой?

– Жак Флёри.

- Вы давно с ним знакомы?
- Мы вместе учились в лицее, а потом в университете.
- Он тоже из Вандеи?
- Нет. Он из Ниора. Это недалеко. Мы почти ровесники.
- Он адвокат?
- Он никогда не был членом коллегии адвокатов.
- Почему?

– Он парень своеобразный, большой шалопай. Сын богатых родителей, он в юности не желал нигде работать. Примерно каждые полгода загорался какой-нибудь новой идеей. Как-то он вбил себе в голову, что займется изготовлением рыболовных снастей, и даже купил несколько лодок. Одно время затевал какое-то предприятие в колониях, но неудачно. Потом я потерял его из виду. А когда стал депутатом, то время от времени встречал его в Париже.

- Он разорился?

– Дотла. Но выглядит роскошно. Он всегда был представительным и привлекательным парнем, знаете, этакий симпатичный неудачник.

- Он когда-нибудь обращался к вам за помощью?

– Иногда. Так, по мелочам. Незадолго до того, как мне стать министром, случай стал нас сводить гораздо чаще, и когда мне понадобился заведующий канцелярией, он оказался под рукой.

Пуан насупил свои мохнатые брови.

– Кстати, тут мне придется вам кое-что объяснить. Вы не представляете себе, что такое изо дня в день выполнять работу министра. Возьмем хотя бы меня. Я адвокат, скромный провинциальный адвокат, но в вопросах права я профессионал, я свое дело знаю. А меня назначают министром гражданского строительства. И без всякого переходного периода, без обучения я становлюсь главой министерства, которое наводнено компетентными высокопоставленными чиновниками и блестящими специалистами, вроде покойного Калама. Я вел себя как все. Держался уверенно. Давал понять, что все знаю. Однако ощущал иронию и враждебность. Мало того, я узнавал о многочисленных интригах, в которых решительно ничего не понимал. В собственном министерстве я остался чужаком для людей, которые за долгое время изучили всю изнанку политической жизни. А потому иметь рядом с собой такого человека, как Флэри, с которым можно говорить откровенно...

– Я вас понимаю. Когда ваш выбор пал на Флэри, у него уже имелись какие-то связи в политических кругах?

- Только на уровне знакомства в барах или ресторанах.

- Он женат?

– Был женат. Должно быть, и остался, ибо я ничего не слышал о разводе. К тому же у них двое детей. Но вместе они не живут. В Париже он завел еще одну семью, а может, и две. У него просто дар усложнять себе жизнь.

- Вы уверены, что он не знал о том, что к вам попал отчет Калама?

- Он даже не видел Пикмаля в министерстве, а я ему ни о чем не говорил.

- А в каких отношениях Флэри и мадемуазель Бланш?

– Внешне в самых сердечных. Но в глубине души мадемуазель Бланш его терпеть не может. Ее раздражают и отталкивают его любовные похождения, поскольку она поборница буржуазной морали. Но вы же понимаете, что все это несерьезно.

- Вы уверены, что ваша жена не подозревает, что вы здесь?

– Она заметила, что сегодня вечером я сам не свой, и настаивала, чтобы я отправился в постель, благо никаких важных дел у меня не было. Но я сочинил историю про собрание...

- И она поверила?

- Не знаю.

– Часто вам случается вот так сочинять?

– Нет.

Было уже около полуночи. На этот раз стопки наполнил министр. Потом со вздохом подошел к полочке для трубок и выбрал себе красиво изогнутую трубку с серебряным ободком.

Словно в подтверждение догадок Мегрэ зазвонил телефон. Пуан посмотрел на комиссара: снимать трубку или не снимать?

– Несомненно, это ваша жена. Когда вернетесь, все-таки придется все ей рассказать.

Министр снял трубку.

– Алло!.. Да... Это я... – Вид у него сделался виноватый. – Нет... Я не один... Мы обсуждаем очень важный вопрос... Потом расскажу... Не знаю... Думаю, много времени не займет... Ладно... Уверяю тебя, я чувствую себя прекрасно... Что?.. Из канцелярии премьер-министра? Хорошо... Там видно будет... Сделаю тотчас же... Пока...

Лоб министра покрылся каплями пота. Он снова взглянул на Мегрэ, и вид у него был такой, словно он уже не знал, какому святому молиться.

– Из канцелярии премьер-министра звонили уже трижды... Премьер-министр велел передать, чтобы я звонил в любое время дня и ночи. – Он вытер лоб и даже забыл раскурить трубку. – Что мне делать?

– Надеюсь, вы позвоните? И будет лучше, если завтра утром вы сообщите ему, что отчет пропал. Шанс, что мы распутаем все это за одну ночь, равен нулю.

Было забавно наблюдать, как совершенно потерявший голову Пуан вдруг проникся верой в полицейское всемогущество и быстро отозвался:

– Вы так думаете?

Он тяжело плюхнулся в кресло и набрал номер, который знал наизусть.

– Алло! Это министр гражданского строительства... Я хотел бы поговорить с господином премьер-министром... Прошу прощения, мадам... Это Пуан... Я полагаю, господин премьер-министр ожидает... Да... Остаюсь у аппарата...

Пуан залпом осушил стопку и напряженно уставился на пуговицу на пиджаке Мегрэ.

– Да, дорогой премьер... Приношу свои извинения, что не позвонил раньше... Да, мне уже лучше... Ничего серьезного... Скорее всего, переутомление... И еще... Я хотел сказать вам...

Мегрэ уловил голос, раздававшийся в трубке, и в его интонациях не было ничего хорошего. Пуан сразу превратился в ребенка, которого отчитывают, а он лепечет что-то невнятное в свое оправдание.

– Да... Я знаю... Поверьте мне...

Наконец ему дали вставить слово, и он, запинаясь, начал объясняться:

– Видите ли, произошло нечто... нечто чудовищное... Что вы сказали?.. Да, это касается отчета... Я вчера взял его с собой на городскую квартиру... Да, на бульвар Пастера...

Если бы ему позволили рассказать, что побудило его так поступить! Но его без конца перебывали и сбивали с мысли.

– Да... Я имею обыкновение иногда там работать... Что?.. Да, я сейчас там... Нет, жена не знает, иначе она бы мне сказала, что вы звонили... Нет! У меня нет отчета Калама... Именно с этого я и начал разговор... Я оставил его здесь, полагая, что здесь он будет сохраннее, чем в министерстве, но, когда я приехал вечером, после разговора с вами, чтобы его забрать...

Увидев, что из-под тяжелых век министра то ли от волнения, то ли от унижения брызнули слезы, Мегрэ отвернулся.

– Я старался его отыскать... Ну, разумеется, нет...

Прикрыв рукой трубку, он прошептал Мегрэ:

– Он спрашивает, предупредил ли я полицию...

Теперь он покорно слушал, иногда бормоча:

– Да... Да... Я понимаю...

Пот уже ручьями струился по его лицу, и Мегрэ захотелось открыть окно.

– Клянусь вам, дорогой премьер...

Люстру на потолке не зажигали, и обоих собеседников, сидевших в углу в креслах, освещала лампа под зеленым абажуром. Остальная часть комнаты тонула в полумраке. Время от времени сквозь туман доносились автомобильные гудки с бульвара Пастера и свистки редких поездов с вокзала.

На фотографии, что висела на стене, отцу Пуана было лет шестьдесят пять. Скорее всего, снимок был сделан лет десять назад, если судить по возрасту самого министра. А мать на фото выглядела от силы лет на тридцать и была одета и причесана по моде начала века, из чего Мегрэ сделал вывод, что мадам Пуан, как и его мать, умерла, когда сын был еще маленьким.

Комиссар уже подсознательно прокручивал в голове варианты и возможности, которые не успел пока обсудить с министром. Телефонный разговор, невольным слушателем которого он оказался, навел его на мысль о премьер-министре Мальтере, который одновременно был министром внутренних дел, а следовательно, распорядился и в Сюртэ.

А что, если Мальтер еще раньше проведаль о визите Пикмаля на бульвар Сен-Жермен и установил слежку за Огюстом Пуаном... Или сразу же после разговора, который у них состоялся...

Тут можно предположить все, что угодно: премьер-министр планировал уничтожить отчет либо, наоборот, использовать его как козырь.

В данном случае расхожее словечко журналистов очень точно передавало суть: отчет Калама был настоящей бомбой, и тот, в чьи руки он попал, получал неограниченные возможности.

– Да, дорогой премьер... Никакой полиции, даю вам слово...

Тот, видимо, засыпал Пуана вопросами, и бедняга совсем потерял почву под ногами. Его глаза умоляли Мегрэ о помощи, но что тот мог сделать? И тогда Пуан сдал позиции.

– У меня в кабинете находится человек, которого я ввел в курс дела, так сказать, неофициально...

Все-таки министр был силен, и морально, и физически. Мегрэ тоже считал себя сильным, но когда-то и он сдался, попав в переделку, гораздо менее серьезную. Он помнил и всю жизнь будет помнить, что тогда его буквально раздавили два обстоятельства: во-первых, ему пришлось иметь дело с безликой и безымянной силой, одолеть которую невозможно, а во-вторых, сила эта во всем мире была Силой с большой буквы – Законом.

Пуан наконец совсем «раскололся»:

– Это комиссар Мегрэ... Я его пригласил как частное лицо... Я уверен, что он...

Его снова прервали. Трубка сотрясалась от крика.

– Никаких следов... Нет... Никто... Нет, моя жена ничего не знает... Клянусь вам, господин премьер-министр...

Позабыв о принятом у членов правительства обращении «дорогой премьер», он перешел на «господин премьер-министр» и униженно залепетал:

– Да... В девять... Обещаю вам... Хотите с ним поговорить?... Одну минуту...

Смущенный взгляд на Мегрэ:

– Премьер-министр хочет...

Комиссар взял трубку.

– Слушаю, господин премьер-министр.

– Я так понял, что мой коллега ввел вас в курс дела?

– Да, господин премьер-министр.

– Надеюсь, будет лишним напоминать вам, что дело это должно остаться в строжайшей тайне. Следовательно, ни о каком официальном расследовании не может быть и речи. И Сюртэ тоже не следует ставить в известность.

– Понимаю, господин премьер-министр.

– И разумеется, что, если вы, занимаясь этим делом как частное лицо, а не как официальный следователь, обнаружите что-либо, касающееся отчета Калама, вы мне... – Он запнулся. Быть замешанным в это дело ему не хотелось. – Вы сообщите об этом моему коллеге Пуану.

– Хорошо, господин премьер-министр.

– Это все.

Мегрэ уже собрался передать трубку министру, но на другом конце провода отсоединились.

– Извините, Мегрэ. Он загнал меня в угол и вынудил о вас сказать. Говорят, что до того, как стать премьером, он был знаменитым адвокатом в суде присяжных, и я легко в это верю. Мне жаль, что я поставил вас в такое неловкое положение...

– Вы увидите с ним завтра утром?

– В девять часов. Он не хочет, чтобы о случившемся узнали другие члены Кабинета. И больше всего его беспокоит, как бы Пикмаль не начал болтать, если уже не разболтал. Ведь он единственный, кроме нас троих, знает о том, что документ найден.

– Я постараюсь навести справки, что он за личность.

– Разумеется, не обнаруживая себя?

– Однако должен вас честно предупредить: я обязан сообщить об этом своему шефу. Я не стану вдаваться в детали и не упомяну отчет Калама. И ему вовсе не надо знать, что я работаю на вас. Если этим делом буду заниматься только я, то я смогу провести расследование вне служебных рамок. Но мне, вне всякого сомнения, понадобятся помощники.

– Они будут знать об отчете?

– Нет, об отчете – ничего, обещаю вам.

– Я уже был готов подать в отставку, но он меня опередил, сказав, что в его распоряжении нет средства, чтобы вывести меня из Кабинета министров, поскольку, если не вскрыется истина, это может вызвать по меньшей мере подозрения у всех, кто следит за последними политическими событиями. С этого дня я паршивая овца, и мои коллеги...

– Вы уверены, что документ, который к вам попал, действительно является копией отчета Калама?

Пуан удивленно поднял голову:

– Вы полагаете, это могла быть фальшивка?

– Я ничего не полагаю. Я рассматриваю все гипотезы. Тот, кто показал вам отчет Калама, не важно, подлинный или поддельный, а потом сделал так, чтобы он сразу исчез, бросил тень и на вас, и на все правительство, и вас станут обвинять в том, что это вы его уничтожили.

– В таком случае сплетни поползут уже завтра.

– Ну, необязательно так уж скоро. Хотел бы я знать, где и при каких обстоятельствах отчет был найден.

– И вы думаете, в этом удастся разобраться без шума?

– Постараюсь. Полагаю, господин министр, вы все мне рассказали? И если я позволяю себе излишнюю настойчивость, то в данных обстоятельствах очень важно...

– Я понимаю. Есть одна маленькая деталь, о которой я до сих пор не упомянул. Помните, я говорил об Артуре Нику. Когда мы с ним повстречались, уж не помню, на каком обеде, я еще был просто депутатом и мне даже в голову не приходило, что я стану министром гражданского строительства. Я знал, что он один из компаньонов фирмы «Нику и Совгрэн», что на авеню Республики. Артур Нику вел себя не как делец, а как светский человек. Что бы там ни думали, он не походил ни на нувориша, ни на денежного воротилу. Он человек образованный,

культурный, и у него есть вкус к жизни. В Париже он посещал лучшие рестораны, и вокруг него всегда вились красивые женщины, по большей части актрисы театра и кино. Я думаю, все, кто котируется в мире искусства, литературы или политики, хотя бы раз побывали на воскресных приемах в Самуа. Я там встречал многих коллег по палате депутатов, главных редакторов газет, ученых – людей, за порядочность которых я готов поручиться. А сам Нику в загородном доме производил впечатление человека, у которого нет других забот, кроме как угостить приглашенных самыми тонкими и редкими блюдами в самой изысканной обстановке. Моя жена всегда его недолюбливала. Мы ездили к нему раз шесть, всегда с кем-нибудь, и наши отношения никогда не были близкими. Иногда у него по воскресеньям собиралось до тридцати человек гостей. Все обедали за маленькими столиками, а потом перемещались в библиотеку или к бассейну. Случай, о котором я вам не рассказывал, произошел, если не ошибаюсь, года два тому назад... Да, точно, два года назад на Рождество моя дочь получила крошечную золотую авторучку с ее инициалами и с визитной карточкой Артюра Нику. Я очень рассердился и собирался вернуть ему подарок. В таком расположении духа я поделился сомнениями с кем-то из коллег, уж не помню с кем. И он мне объяснил, что такой жест Нику ни к чему не обязывает, потому что у него есть такая причуда: в конце года делать подарки женам или дочерям своих гостей. В этом году он дарил авторучки и заказал их множество. А был год, когда он дарил пудреницы, тоже золотые. У него, похоже, страсть к золоту. Дочка эту авторучку сохранила, и думаю, все еще ею пользуется. А теперь, если завтра история с отчетом Калама просочится в прессу, то станет известно, что дочь Огюста Пуана получила и приняла от Артюра Нику подарок...

Мегрэ покачал головой. Он вовсе не считал такую деталь пустяком.

– Это все? А деньгами он вас не ссужал?

Пуан покраснел до корней волос, и Мегрэ понял почему. Во все не из-за того, что ему было в чем себя упрекнуть, а из-за того, что теперь каждый был вправе задать ему этот вопрос.

– Никогда! Клянусь вам...

– Я вам верю. А есть у вас акции компании «Нику и Совгрэн»?

– Нет, – с горькой улыбкой ответил министр.

– Завтра утром я постараюсь сделать все, что в моих силах, – пообещал Мегрэ. – Но вы должны отдавать себе отчет, что я знаю гораздо меньше вашего и почти не имею контактов в политических кругах. Сомневаюсь, что мы сможем найти отчет раньше, чем тот, в чьих руках он находится, успеет им воспользоваться. Ну, вот вы сами могли бы его уничтожить, чтобы спасти ваших коллег, которых отчет компрометирует?

– Конечно нет.

– Даже если бы вас попросил лидер вашей партии?

– Даже если бы премьер-министр дал мне такое указание.

– Я был в этом почти уверен. Простите, что задал такой вопрос. А теперь мне пора, господин министр.

Оба встали, и Пуан протянул комиссару свою огромную волосатую руку.

– Это я прошу у вас прощения за то, что впутал вас в эту историю. Но я был настолько растерян, настолько выбит из колеи...

Теперь он передал свою судьбу в чьи-то руки, и у него полегчало на душе. Он заговорил обычным голосом, зажег люстру, открыл дверь.

– Вам нельзя появляться у меня в министерстве: это вызовет кучу вопросов, вы ведь человек известный. И звонить мне не получится. Я уже говорил вам, что опасаясь прослушки. Эта квартира тоже ни для кого не секрет. Как мы с вами будем связываться?

– Я найду способ связаться с вами, когда возникнет надобность. А вы в любое время можете звонить мне по вечерам из автомата, как позвонили сегодня. Если меня не застанете, можете все передать жене.

Им обоим в один и тот же момент пришла одна и та же мысль, и оба не смогли удержаться от улыбки. Уж больно они походили на двух стоящих перед дверью заговорщиков.

– Доброй ночи, господин министр.

– Спасибо, Мегрэ. Доброй ночи.

Комиссар не стал вызывать лифт. Спустившись с пятого этажа, он попросил консьержку открыть дверь и сразу окунулся в уличный туман, который стал еще гуще и холоднее. Чтобы поймать такси, надо было дойти до бульвара Монпарнас. Он свернул направо, держа в зубах трубку и засунув руки в карманы, но не успел пройти и двадцати метров, как прямо перед ним загорелись фары какого-то автомобиля и заработал включенный кем-то мотор.

Туман искажал все расстояния. На миг Мегрэ показалось, что машина движется прямо на него, но она проехала мимо, осветив его на несколько секунд рассеянным светом фар.

Он не успел поднять руку, чтобы прикрыть лицо. Впрочем, это наверняка было бесполезно.

Возможно, кому-то во что бы то ни стало надо было выяснить, кто засиделся у министра на квартире, где так поздно горел свет.

Мегрэ пожал плечами и пошел дальше. По дороге на него чуть не налетела какая-то парочка влюбленных, которые шли под ручку, целуясь на ходу.

В конце концов он поймал такси. У него на бульваре Ришар-Ленуар тоже светились окна. Он, как всегда, достал ключи, а его жена, как обычно, открыла дверь раньше, чем он вставил ключ в замок. Она была в ночной сорочке, босиком, с припухшими от сна глазами и поспешила снова улечься в теплую ямку, которую оставила в постели.

– Который час? – послышался из спальни ее голос.

– Десять минут второго.

Он улыбнулся, подумав, что в этот момент в другой квартире, богатой и безликой, происходит примерно такой же диалог.

Пуан и его жена не чувствовали себя дома в казенной квартире. Чужая спальня, чужая постель... Да и сами они были чужими этому огромному зданию, где они жили и где им повсюду чудились ловушки.

– Что хотел от тебя министр?

– По правде говоря, я и сам не понял.

Она еще не совсем проснулась и, пока он раздевался, силилась проснуться окончательно.

– Ты не знаешь, зачем он хотел тебя видеть?

– Думаю, чтобы спросить совета.

Точнее было бы сказать: просить о помощи... Но Мегрэ не хотелось употреблять это выражение. Странно. Если бы здесь, в своей квартире, в почти осязаемой атмосфере домашнего уюта, он произнес бы слова «отчет Калама», то, наверное, расхохотался бы.

Однако на бульваре Пастера полчаса назад эти слова звучали с драматическим оттенком. Загнанный в угол министр произносил их с ужасом, а обеспокоенный премьер-министр говорил об отчете Калама как о самом важном государственном деле.

Эти тридцать страниц несколько лет провалялись на чердаке и были никому не нужны, а нашел их один из зрителей Школы, и нашел, скорее всего, случайно.

– О чем ты думаешь?

– О некоем Пикмале.

– А кто это?

– Я и сам толком не знаю.

Он и вправду думал о Пикмале, вернее, произносил его имя по слогам, и оно казалось ему смешным.

– Спокойной ночи.

– И тебе тоже. Да, разбуди меня завтра в семь.

– Зачем так рано?

– Мне надо будет позвонить.

Мадам Мегрэ протянула руку к выключателю, который был с ее стороны, и погасила свет.

Глава 3

Незнакомец из маленького бара

Его тихонько тронули рукой за плечо, и чей-то голос прошептал на ухо:

– Мегрэ! Уже семь часов.

Ноздри уловили аромат кофе, исходивший из чашки, которую держала в руке жена. Чувства и разум комиссара заработали, но пока напоминали оркестр в оркестровой яме, когда музыканты настраиваются, примеряются, а слаженности еще нет. Семь часов – значит сегодня день какой-то не такой, обычно он вставал в восемь. Не открывая глаз, он почувствовал, что после вчерашнего серого дня за окном светит солнце. Представление о ночном тумане сразу вызвало в памяти бульвар Пастера, и во рту появился неприятный привкус. Давненько он не просыпался с таким привкусом. Может, это с похмелья? Комиссару вспомнился деревенский самогон с родины министра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.